

К. Д. Бугров¹
Екатеринбург

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНДУСТРИАЛЬНОМ СВЕРДЛОВСКЕ КАК НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ: ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС 1930-х гг.²

Эпоха индустриализации привела к возникновению в Свердловске целого ряда научных и научно-образовательных учреждений, осуществлявших свою деятельность по достаточно разнообразному фронту практических задач. Важнейшими сферами, в которых складывалось научное превосходство города, были черная и цветная металлургия, химия и лесохимия, машиностроение и обработка металлов давлением, геология и обогащательный процесс, целый ряд медицинских направлений. Однако репрезентация статуса Свердловска как научного центра в публичной сфере еще мало изучена.

Ключевые слова: Уральский индустриальный институт; Уральский филиал АН СССР; Уральский медицинский институт; Уральский государственный университет; Уралмаш; наука; социальный статус.

K. D. Bugrov
Yekaterinburg

CONCEPTS ABOUT INDUSTRIAL SVERDLOVSK AS A SCIENTIFIC CENTER: PUBLIC DISCOURSE of the 1930s

The era of industrialization led to the emergence in Sverdlovsk of a number of scientific and educational institutions, which carried out their activities on a fairly diverse front of practical problems. The most important spheres in which the scientific superiority of the city developed were ferrous and non-ferrous metallurgy, chemistry and wood chemistry, mechanical engineering and metal forming, geology and the dressing process, and a number of medical areas. However, the public representation of Sverdlovsk's status as a research center has been little studied.

Keywords: Ural Industrial Institute; Ural branch of the USSR Academy of Sciences; Ural Medical Institute; Ural State University; Uralmash; the science; social status

Колоссальные сдвиги в социальном, экономическом и интеллектуальном развитии Свердловска эпохи индустриализации хорошо известны в историографии и тщательно изучаются. Однако специально вопрос о том, насколько эффективным было интеллектуальное развитие «столицы Урала» в советскую эпоху, как нам известно, не ставился.

¹ *Бугров Константин Дмитриевич* – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет; ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия. E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства Свердловской области, проект № 20-49-660015 «Екатеринбург-Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX – конец XX вв.)».

Чаще всего внимание исследователей было приковано к судьбам «старой» интеллигенции, подвергшейся жестоким репрессиям на рубеже 1920-х – 1930-х гг., а процесс развития города как интеллектуального центра трактовался сквозь призму истории конкретных учреждений³, анализа системы подготовки кадров или роста общих численных показателей⁴.

Как же изменился интеллектуальный ландшафт города с началом пятилетки? В. С. Кальниченко характеризует перемены следующим образом: «В этот период только в Свердловске создается 12 научно-исследовательских институтов системы Наркомата тяжелой промышленности (НИИ НКТП), Уральский филиал Академии наук СССР (УФАН), заводские лаборатории, новые кафедры Уральского индустриального института (УИИ) и т. д.»⁵.

Прежде всего в Свердловске заработал целый ряд научно-исследовательских институтов. Старейшими из них были Уралмеханобр (основан в 1929 г.) и УНИХИМ (1930 г.). Постановлением ВСНХ СССР от 17 мая 1931 г. «Об организации научно-исследовательской работы на Урале и в Сибири» были организованы Уральский углехимический институт (позднее – Восточный углехимический институт, ВУХИН) и Уральский физико-технический институт. Были также Уральский физико-химический институт (УФХНИИ, созданный как филиал Московского физико-химического института), НИИ черной металлургии и многие другие. Институты, образованные для работы в системе уральской индустрии, эффективно взаимодействовали с научно-образовательной системой Свердловска, представленной в

³ См.: Уральский государственный университет. Свердловск, 1980; Уральский государственный технический университет. 1920–1995 гг.: Исторический очерк. Екатеринбург, 1995; *Гусев А. И.* Начало академической науки на Урале (1932–1939 гг.) // Вопросы естествознания и техники. 2014. № 2. С. 25–53; *Колосова Е. Н., Филатов В. В.* К истории создания Уральского филиала АН СССР (1932 – 1939). Неюбилейные заметки // Уральский геологический журнал. 2007. № 4. С. 1–123; *Жук А. В.* Организация академической науки на Урале в 1930-е гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, г. Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург, 2007. С. 260–267.

⁴ См.: *Бакунин А. В.* Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933 – 1937). Свердловск, 1966; *Кальниченко В. С.* Наука на Урале в период строительства социализма // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 1. С. 60–65; *Терехов В. С.* Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003.

⁵ *Кальниченко В. С.* Период становления Уральского физико-технического института // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3. С. 257.

основном Уральским индустриальным институтом (до 1934 г. он представлял собой конгломерат отраслевых вузов, созданных после раздробления на части Уральского политехнического института, который, в свою очередь, был сформирован на базе основанного в 1920 г. Уральского университета) и Свердловским государственным университетом, созданным в 1931 г. Город, таким образом, оказался в числе 13 городов РСФСР, где в начале 1930-х гг. были сохранены либо учреждены заново университеты⁶.

Основой научного потенциала Свердловска начала 1930-х гг. были специалисты, в большинстве своем стоявшие у истоков Уральского университета, преподававшие в отраслевых вузах, на которые был этот университет (под именем УПИ) раздроблен, и одновременно занимавшие руководящие позиции в системе научных учреждений. Так, в УФХНИИ работали выпускники УПИ 1920-х гг. О. А. Есин, С. В. Карпачев, Г. И. Чуфаров; в Гинццветмете⁷ – Н. Н. Барабошкин и А. К. Шарова, в ВУХИН – И. Я. Постовский, Н. Н. Рогаткин, В. Г. Плюснин. Важнейшим моментом в истории свердловской (и уральской) науки стало создание Уральского физико-технического института (УралФТИ), организованного на базе Ленинградского физико-технического института для дальнейшего освоения выпуска трансформаторной стали (впервые в СССР такая сталь была получена на Верх-Исетском заводе в Свердловске). Среди ученых, прибывших в 1930-х гг. в Свердловск для работы в УралФТИ, были такие ученые, как С. В. Вонсовский, И. К. Кикоин, Р. И. Янус, Я. С. Шур, М. В. Якутович, И. Г. Факидов; кроме того, в институте с 1932 г. работал выдающийся физик С. П. Шубин, ранее репрессированный из-за участия во внутривластной оппозиции и некоторое время лишенный доступа к научной работе⁸. Разместившись на Урале (переезд растянулся на годы), УралФТИ приступил к работе, причем теоретическую проблематику ученые-физики оказались вынуждены дополнить практической, связанной с разработкой конкретных применений физики магнитных явлений (таков был профиль специализации института) для нужд индустрии, в частности для магнитной дефектоскопии. Формирование УралФТИ можно считать крупнейшим «вливанием» извне научных кадров в общую систему научно-образовательной работы Свердловска 1930-х гг.

⁶ Москва, Ленинград, Воронеж, Ростов-на-Дону, Горький, Казань, Саратов, Пермь, Свердловск, Томск, Иркутск, Владивосток, Алма-Ата (с 1936 г. Казахстан стал союзной республикой вне состава РСФСР).

⁷ См.: Глазунов Л. А. Институт «Гинццветмет» и его деятельность за 90 лет. М., 2008.

⁸ Кальниченко В. С. Период становления Уральского физико-технического института. С. 259.

Конечно, сказывалась нехватка кадров, но парадоксальным образом в этой нехватке и была скрыта будущая устойчивость уральской научной школы: тяжелые годы индустриализации она в основном прошла, опираясь на саму себя, без крупной помощи извне. Научные школы, сложившиеся в те трудные годы на базе взаимопроникновения отраслевой, академической и вузовской науки, и в последующие десятилетия показывали большую устойчивость и производительность.

Какова была практическая направленность тех научных разработок, которые велись в Свердловске в 1930-х гг.? Большинство их были связаны с переработкой нефти и древесины (ВУХИН, химфак УИИ), с металлургией цветных металлов (Гинцветмет, метфак УИИ), с производством огнеупоров (УИИ), с лесохимией (Уральский лесотехнический институт), с геологией (Свердловский горный институт и профильные НИИ). Чрезвычайно важным исследовательским направлением для индустриализирующегося Свердловска была медицина. В городе работал медицинский вуз, а также ряд научных институтов, связанных с ним с той же степенью тесноты, что промышленные НИИ с индустриальным институтом. Среди ведущих ученых Свердловска в сфере медицины тех лет были крупнейшие имена – В. В. Парин, Б. П. Кушелевский, А. Т. Лидский, Д. Г. Шеффер, Е. С. Кроль-Кливанская, В. Д. Чаклин. Именно с медициной был связан и первый крупный успех свердловской науки, отмеченный Сталинской премией – ее получил в 1940 г. известный гинеколог А. Ю. Лурье, с 1937 г. начавший успешно применять анестезию при родах первым в СССР. Эти работы Лурье начал в свердловском НИИ охраны материнства и детства (ныне – НИИ ОММ), научным руководителем которого был с 1930 г., а продолжил в Киеве, куда переехал в 1939 г. На момент вручения премии, однако, Лурье представлял Киевский медицинский институт; удостоился бы он премии, если бы остался в Свердловске – остается вопросом. Первые уральские лауреаты Сталинских премий появятся только в 1942 г.: в этом году премиями будут отмечены достижения Ф. Ф. Вольфа (вместе с коллективом Уральского алюминиевого завода) в области переработки бокситов и достижения двух коллективов ученых УФАИ: физиков (И. К. Кикоин, В. С. Обухов, С. В. Губарь) и металлургов (В. В. Михайлов, А. А. Сигов, Г. В. Гайдуков, опять-таки вместе с работниками ряда крупнейших металлургических заводов Урала). Таким образом, прорывным для свердловской науки стал 1942 г.

Однако целый ряд научных направлений высочайшего класса развивался, помимо связи вуз – НИИ, непосредственно по линии вуз – завод. Так, выдающаяся школа великого ученого А. Ф. Головина,

одного из крупнейших авторитетов в области прокатки и заведующего кафедрой прокатки УИИ, не имела «сопоставленного» ей научного института. Фактически эта знаменитая кафедра сама была небольшим, но производительным НИИ, ведшим огромную работу по консультированию прокатных производств далеко за пределами Урала (к консультационным услугам Головина и его учеников прибегали даже в Поднепровье, хотя этот научно-производственный центр был хорошо обеспечен кадрами). В годы перед Великой Отечественной войной эта работа на кафедре Головина была организована в рамках «бюро прокатки», руководителем которого выступал В. В. Швейкин⁹.

Создание в Свердловске колоссального Уралмашзавода означало, что в экономическом ландшафте города возник новый сектор, которого до революции попросту не существовало. Если в области горного дела, металлургии и химии Свердловск опирался на дореволюционный задел, на экспертизу и знания горных инженеров старого времени (в конце концов, такие важные для свердловских науки и образования фигуры, как А. Е. Маковецкий, Ф. Ф. Вольф, В. А. Гассельблат, Н. Н. Барабошкин, А. Ф. Головин, С. С. Штейнберг как раз и были «старыми инженерами», часть из них оказалась под ударом во время гонений на «спецов»¹⁰), то машиностроительной специализации на Урале не существовало. Руководящие кадры Уралмаша комплектовались из специалистов, прибывавших из западных районов страны, где уже имелась развитая машиностроительная промышленность. Но не было в структуре городской науки специализированных НИИ по машиностроению, отсутствовала и профильная кафедра в составе УИИ¹¹. Здесь и пригодился задел кафедры Головина: знание о том, как настраивать прокатное оборудование, теперь стало знанием о том, как его производить. Кафедру механического оборудования металлургических заводов УИИ, созданную в 1934 г., возглавил ученик Головина Е. В. Пальмов, а преподавать в УИИ начали инженеры Уралмаша, такие как М. Л. Шахрай или И. Б. Соколовский.

⁹ Богатов А. А., Шилов В. А. Наследники профессора Головина // Инновационные технологии в металлургии и машиностроении: материалы международной молодежной научно-практической конференции «Инновационные технологии в металлургии и машиностроении», посвященной памяти чл.-кор. РАН, почетного доктора УрФУ В. Л. Колмогорова. Екатеринбург, 2014. С. 646–655.

¹⁰ Делицой А. И. Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 1930 – 1931 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 18 (199). История. Вып. 41. С. 95–103.

¹¹ Постановление ВСНХ 1931 г. предписывало организовать в Свердловске специализированный НИИ машиностроения на базе Уралмаша, но создан был такой институт в более поздний период времени.

Еще одно чрезвычайно важное направление науки, которое не было сопоставлено с профильным НИИ, – электротехника и энергетика. С начала 1920-х гг. в Свердловске складывалась уважаемая школа электротехники, у истоков которой стоял видный специалист И. В. Стецула (павший жертвой массовых репрессий 1937–1938 гг.) Но ситуация в электротехнике и энергетике складывалась та же, что и в тяжелом машиностроении: с 1932 г. в Свердловске строился колоссальный завод «Уралэлектроаппарат», спрос на технические решения предъявляли вновь вводимые в строй электростанции, а на Уралмаше быстро формировалась собственная школа сварки, организатором которой выступил Г. П. Михайлов, тесно взаимодействовавший с заведующим кафедрой электрических машин Н. С. Сиуновым из УИИ¹². И здесь взаимодействие разворачивалось по линии вуз – завод; из сферы энергетики в вуз приходили такие видные специалисты, как, например, А. А. Янко-Триницкий.

Имелось, наконец, и научное направление, которое развивалось как бы вне связей с промышленными НИИ и заводами, однако уже в послевоенный период оно будет играть огромную роль в формировании интеллектуального, научного и производственного профиля Свердловска. Преподавание в вузах требовало общих курсов математики; математические кафедры УИИ и госуниверситета стали центрами формирования единой математической школы, тон в которой задавали такие видные исследователи, как И. Г. Малкин, С. Н. Черников и др.; в отличие от профессуры, работавшей в сфере металлургии и химии, математики были выпускниками вузов из других городов и в Свердловске начали работу во 2-й половине 1930-х гг.

Такова была общая картина развития науки в Свердловске первых пятилеток. Однако тиражировавшийся в публичном пространстве 1930-х гг. средствами масс-медиа образ нового советского Свердловска уделял становлению научного центра чрезвычайно мало внимания. Публичная сфера предвоенного СССР оказалась на удивление нечувствительна к исследовательской тематике. Доминирующей оставалась тематика промышленная и сельская, основными героями публичной сферы – рабочие и крестьяне, где-то на периферии – инженеры. С середины 1930-х гг. ситуация шаг за шагом меняется, наряду с пролетариатом и колхозным крестьянством в советской социальной идеологии возникает и круг респектабельной интеллигенции – вместе с элитой рабочего класса и колхозников они образовывали слой советских «знатных людей». Так, в 1934 г. в свердловском Деловом клубе

¹² *Пластун А. Т.* Краткая история кафедры электрических машин и ее научных направлений // *Электромеханика Урала: прошлое и настоящее.* Екатеринбург, 2003. С. 43.

прошел банкет «знатных людей» Урала, в котором наряду с ударниками больших заводов участвовал и, например, С. С. Штейнберг¹³.

Чаще всего в прессе ученые появлялись, когда надо было прокомментировать очередную победу советской науки в поиске полезных ископаемых¹⁴. Но бывали и иные случаи. 4 июня 1936 г. «Уральский рабочий» посвятил целую полосу Уральскому индустриальному институту, предоставив слово профессорам – химикам И. Я. Постовскому и С. Г. Мокрушину, металлсту А. Ф. Головину, огнеупорщику П. С. Мамыкину, математику В. В. Тяжелову – чтобы те кратко рассказали о производственных и научных успехах своих студентов (интересно, что одним из студентов, которых упомянул Головин, был Лоцманов, представитель известной рабочей династии Лоцмановых с Верх-Исетского завода). Время от времени на страницах газеты появлялись – в числе прочих небольших местных новостей – заметки о научных работниках, например, о том, как готовит студентов химик Н. А. Тананаев¹⁵. А 17 июля 1934 г. уральские ученые вновь появились на страницах областной газеты, на сей раз комментируя героическую эпопею челюскинцев, которая, кроме прочего, демонстрировала и рост научной мощи страны Советов. Однако включение ученых Свердловска в обсуждение истории челюскинцев было вызвано и еще одним фактом, отразившим, как в капле воды, всю сложность публичной репрезентации науки в СССР 1930-х гг. На борту «Челюскина» был и представитель уральской науки – физик-магнитчик И. Г. Факидов, ранее, в 1932 г., прибывший в Свердловск в составе коллектива УралФТИ.

Его телеграмма открывала газетный материал, а комментарий о своем коллеге давал С. П. Шубин: «Мало кто знает, вероятно, на Урале, что один из известнейших челюскинцев – физик экспедиции Ибрагим Факидов – является сотрудником Уральского физико-технического института... Ибрагим Факидов, безусловно, является одной из крупнейших молодых научных сил института. Сделанные им, совместно с другим сотрудником института Кикоиным, работы по исследованию электрических свойств жидких металлов представляют собой исключительно ценный вклад в мировую науку. Отнюдь не в порядке “юбилейных” восхвалений можно сказать, что работы Факидова и Кикоина стоят в первом ряду мировых научных достижений по данному вопросу и в самое ближайшее время войдут во все справочники, посвященные физике металла»¹⁶. Увы, для того чтобы

¹³ Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург, 2018. С. 189.

¹⁴ Сырокомский В. С. Впервые в мире (К плавкам титано-магнетитов) // Уральский рабочий. 1935. № 139 (5974). 18 июня.

¹⁵ Научно-исследовательская работа студентов // Уральский рабочий. 1939. № 296 (7304). 27 декабря.

¹⁶ Шубин С. П. Наш славный соратник // Уральский рабочий. 1934. № 139 (5673). 17 июня.

выдающиеся достижения И. К. Кикоина и И. Г. Факидова попали на страницы областной прессы и стали достоянием общественности, Факидову пришлось отправиться в опасную арктическую экспедицию. Но, конечно, своих исследователей Арктики в Свердловске не было, и комментарии давали просто наиболее заслуженные и известные ученые города – С. С. Штейнберг, И. Г. Щербаков, В. С. Сырокомский.

Зато чрезвычайно желанным гостем на страницах «Уральского рабочего» был А. Ю. Лурье. Обезболивание при родах было ясным, понятным самому широкому кругу читателей достижением советской науки, поэтому Лурье много раз выступал в региональной печати: «Почти 2000 обезболенных родов – цифра еще не виданная в СССР. 128 врачей Союза откликнулись и стали вводить у себя в больницах систему массового обезболивания родов. <...> Дело наше несомненно верное. Свердловцы с радостью едут на заседание Государственного ученого медицинского совета Наркомздрава и не сомневаются в поддержке тов. Каминского и лучшей части акушерско-гинекологической профессуры нашей страны»¹⁷. Но, как уже отмечено выше, Лурье в 1939 г. переехал в Киев; Свердловск лишился одного из наиболее влиятельных в публичной сфере ученых.

В июне 1938 г. «Правда» напечатала небольшое сообщение о совещании ученых в Свердловске, и порядок, в котором названы специалисты-участники, дает определенное представление о репрезентации науки в 1930-е гг.: «Известные ученые – депутат Верховного Совета РСФСР профессор А. Ф. Головин, профессора Штейнберг, Тананаяев, Кузьминых, Шевяков; молодые ученые тт. Руслев, Зубов, Дерягин, Сорокин, Глинков. Головцын, Оглоблин¹⁸ и другие работают над решением актуальных технических и научных проблем»¹⁹.

¹⁷ Лурье А. Счастье материнства // Уральский рабочий. 1935. № 271 (6106). 26 ноября.

¹⁸ Упомянутые в заметке «молодые ученые» были преимущественно 35-летними специалистами, которые к середине 1930-х гг. уже добились определенных успехов и впоследствии сделали, пусть и с разной степенью успешности, яркую карьеру. В. Я. Зубов (1902–1975) – металлург, заведующий кафедрой металловедения УПИ в 1959–1971 гг.; П. И. Дерягин (1903–1986) – металлург, в 1941–1948 гг. работал в сфере цветной металлургии и атомной промышленности, лауреат Сталинской премии, в 1950-х гг. – декан физико-технического факультета УПИ; М. А. Глинков (1906–1975) – металлург, специалист в области печного хозяйства, декан металлургического факультета УПИ, в 1946–1975 гг. преподавал в Московском институте стали и сплавов; П. Я. Сорокин (1898–1986) – металлург, сотрудник кафедры газопечного хозяйства УПИ, позднее – сотрудник Института металлургии Уральского филиала АН СССР; В. Н. Головцын (1905–1968) – геолог, в 1934–1948 гг. – заведующий кафедрой геофизических методов и разведки в Свердловском горном институте, позднее работал в Киеве; Д. Н. Оглоблин (1905–1968) – заведующий кафедрой маркшейдерского дела Свердловского горного института, позднее заведовал аналогичной кафедрой Донецкого политехнического института.

¹⁹ Перевозкин Л. Совещание научных работников Свердловска // Правда. 1938. № 337 (7662). 8 декабря.

Целый ряд маркеров указывает на сдвиги в социальном статусе ученых с середины 1930-х гг. Отдельные ученые фигурировали в прессе как кандидаты в Верховный Совет: после введения сталинской конституции 1936 г. в действие выборы в законодательные органы советского государства становились формой социального поощрения. «Прошлой осенью приехал профессор в Чусовую. Его вызвали на завод. Мощный стан “800” был построен и пущен с тем, чтобы прокатывать слитки весом в одну тонну. Передовые инженеры и стахановцы решили, что стан может прокатывать слитки полутонные. Решили – сделали. Но когда стали катать эти слитки, валок сломался. Профессора вызвали для помощи и совета. <...> Профессор попросил остановить стан. Он тщательно осмотрел валки. Потом осмотрел те валки, что сломались. Насупившиеся люди ждали, что он скажет. Больше всего боялись они, что придется отказаться от прокатки слитков большого развеса»²⁰. Но, конечно, опытный профессор придумал, как починить стан и при этом сохранить прокат крупных слитков – надо, оказывается, заказать на Уралмаше особые валки с заранее выточенными ручьями. Наградой ученому было единодушное выдвижение его депутатом в Верховный Совет РСФСР как «непартийного большевика». В качестве депутата Головин несколько раз оказывался на страницах центральной прессы в июне 1938 г. Однако в остальных научных разработках свердловчан оказывались в поле зрения центральной прессы весьма sporadически; едва ли не самым крупным рапортом о научных достижениях стали небольшие заметки о разработанном молодым ученым, аспирантом УИИ Б. М. Ксенофоновым метода бесслитковой отливки.

Интерес центральных газет к свердловской науке был sporadическим и ограничивался по большей части сообщениями об открытии новых залежей полезных ископаемых и новых способов их переработки. Так, в 1940 г. в фокусе внимания прессы оказался препарат сульфидин. Интерес к нему открыла небольшая статья главного врача Центральной клинической больницы им. Боткина Б. А. Шимелиовича, констатировавшая лечебные свойства сульфидина в отношении крупозной пневмонии и менингита²¹.

О сульфидине и стрептоциде с гордостью отзывался наркомздрав Г. А. Митерев, выступая 1 апреля 1940 г. в Верховном Совете СССР, а 4 апреля С. Гуревич, директор Московского химфармзавода № 12, сообщил в «Правде» о том, что его предприятие приступило к освоению промышленного выпуска сульфидина²². При этом центральная

²⁰ Старова А. Профессор Головин // Уральский рабочий. 1938. № 128 (6836). 6 июня.

²¹ Шимелиович Б. Ценнейший лечебный препарат // Правда. 1940. 30 марта.

²² Гуревич С. Производство сульфидина // Правда. 1940. № 94. 4 апреля.

пресса не реагировала на успехи свердловских ученых; еще в 1937 г. химики И. Я. Постовский и Л. Н. Голдырев синтезировали сульфипиридин (известный в СССР позднее как сульфидин), клинические испытания вели специалисты Свердловского медицинского института под руководством ведущих врачей города, Б. П. Кушелевского и Е. С. Кроль-Кливанской, а над промышленным внедрением работал коллектив Уральского фармацевтического завода²³. Позднее, в годы Великой Отечественной войны, именно разработки Постовского и его коллег станут основой для запуска индустрии производства сульфидина на Урале; Постовский будет удостоен Сталинской премии 1946 г. именно за промышленное освоение выпуска сульфидина.

Своего рода итогом пройденного в репрезентации науки средствами СМИ пути стал пространный некролог С. С. Штейнберга, который 8 сентября 1940 г. поместил «Уральский рабочий». В тексте отмечалось: «Заслуги Сергея Самойловича в области металлургии и металловедения перед страной громадны... В лице Сергея Самойловича Советский Союз потерял одного из своих крупнейших ученых, сделавших большой вклад в нашу науку. Его труды будут долгие годы служить руководством как для научных работников, так и для практических деятелей металлургической промышленности Урала и Советского Союза»²⁴. Оказывается, все годы индустриализации в Свердловске жил и работал один из крупнейших ученых страны, пользовавшийся глобальной известностью! В 1931 г., когда за освоение производства трансформаторной стали на Верх-Исетском заводе Штейнберг вместе с группой рабочих и инженеров ВИЗа был первым среди уральских ученых удостоен ордена Трудового Красного Знамени, столь теплых слов для него не нашлось.

Итак, ход развития и складывания научной специализации Свердловска эпохи индустриализации, формирование научно-образовательно-производственных школ национального и международного значения — все эти чрезвычайно важные процессы не находили адекватного выражения в публичной сфере. Это, конечно, не значит, что следует отбросить материалы, представленные в газетах, брошюрах и книгах, однако важно иметь в виду специфику представлений о науке, сложившихся в СССР 1930-х гг. и оказывавших непосредственное влияние на то, как конкретные города приобретали репутацию интеллектуальных центров. С самого начала индустриализации наука в публичном дискурсе занимала вполне подчиненную роль по отноше-

²³ Запарий В. В., Дерябина А. В. Участие уральских ученых в разработке антибиотиков в 1930-х – 1940-х гг. // Антибиотики и химиотерапия. 2017. № 62. С. 44.

²⁴ С. С. Штейнберг // Уральский рабочий. 1940. № 209 (7517). 8 сентября.

нию к производству, воспринимаясь как продолжение индустриальной техники, часть производственного процесса. Статус индивидуальных ученых первоначально оказался почти полностью «растворен» в производственном процессе («ученый» в концептуальном пространстве начала 1930-х гг. — это практически всегда инженер-техник, а не профессор), значительная часть «старых специалистов» подвергалась репрессиям и гонениям.

Однако с середины 1930-х гг. ситуация начинает меняться, выделяется круг авторитетных исследователей (обычно в биографическом смысле тоже относящихся к «старым специалистам», как А. Ф. Головин или С. С. Штейнберг), которые занимают в социальном дискурсе важную роль. Формирование новых, наделенных символическим статусом властных органов по сталинской конституции 1936 г., общая стабилизация научно-образовательной системы и, наконец, закрепление советской интеллигенции как «третьего элемента» советской социальной структуры, появление специфического вида поощрения для научно-технической и творческой деятельности (Сталинские премии) — все это создало своего рода нишу для формирования устойчивого дискурса о науке. Узкий круг авторитетных ученых в этом дискурсе играл роль «знатных людей» Советского Союза. Хотя под давлением военных испытаний Великой Отечественной и трудностей атомного проекта на протяжении 1940-х — 1950-х гг. представления о науке менялись, существенный перелом произойдет уже к концу 1950-х гг., когда наука превратится из вспомогательной отрасли в сопоставимую с промышленностью отрасль народного хозяйства советской экономики.

Библиография

1. Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933 – 1937). Свердловск, 1966.
2. Богатов А. А., Шилов В. А. Наследники профессора Головина // Инновационные технологии в металлургии и машиностроении: материалы Международной молодежной научно-практической конференции «Инновационные технологии в металлургии и машиностроении», посвященной памяти чл.-кор. РАН, почетного доктора УрФУ В. Л. Колмогорова. Екатеринбург, 2014. С. 646–655.
3. Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург, 2018.
4. Глазунов Л. А. Институт «Гинцветмет» и его деятельность за 90 лет. М., 2008.
5. Гусев А. И. Начало академической науки на Урале (1932–1939 гг.) // Вопросы естествознания и техники. 2014. № 2. С. 25–53.
6. Делицой А. И. Осуществление политики форсированной советизации технической интеллигенции на Урале в 1930 – 1931 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 18 (199). История. Вып. 41. С. 95–103.

7. Жук А. В. Организация академической науки на Урале в 1930-е гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, г. Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург, 2007. С. 260–267.
8. Запарий В. В., Дерябина А. В. Участие уральских ученых в разработке антибиотиков в 1930-х – 1940-х гг. // Антибиотики и химиотерапия. 2017. № 62. С. 43–49.
9. Кальниченко В. С. Наука на Урале в период строительства социализма // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 1. С. 60–65.
10. Кальниченко В. С. Период становления Уральского физико-технического института // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3. С. 257–261.
11. Колосова Е. Н., Филатов В. В. К истории создания Уральского филиала АН СССР (1932–1939). Неюбилейные заметки // Уральский геологический журнал. 2007. № 4. С. 1–123.
12. Пластун А. Т. Краткая история кафедры электрических машин и ее научных направлений // Электромеханика Урала: прошлое и настоящее. Екатеринбург, 2003. С. 43–47.
13. Терехов В. С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003.